

ТЬМА НАСТУПАЕТ

Под влиянием энергий смерти, вихрившихся вокруг их повелителя Нагаша, воздух над горами Иметрики окутала аура аметистового света. Именно здесь гнев Великого Некроманта будет ощущаться сильнее всего. Но стоит его ритуалу подойти к завершению, и тогда уже содрогнется весь Хиш.

Над зияющей, зубастой бездной Врат Черного Колодца небо с огромной скоростью выворачивало наизнанку. Буйство отвратительных цветов пронизывало легкие плывущие облака. Прогорклое зловоние отравляло воздух, а вонь трупной гнили смешивалась с мускусным запахом пустынных гробниц. Птицы и даже насекомые инстинктивно спасались бегством, словно перед бурей. И все же бедствие, надвигавшееся на иметриканские пики, было нисколько не сравнимо с естественным штормом: оно целиком состояло из безжизненной пустоты, а в сердце этой зарождающейся катастрофы возвышалось божество.

Колосс мертвенной силы вырвался из портала Черного Колодца с триумфальным воплем. По периметру ямы альвийские защитные руны сгорали в черном пламени: символы съеживались и корчились, словно от боли, пока не исчезли вовсе. Божественная фигура вздымалась снова и снова. Завеса темной энергии полыхала вокруг нее как гроза вокруг горного пика, пока аметистовые молнии искрилась между щупальцами, венчавшими силуэт и напоминающими позвоночные кости. Энергии Хиша потускнели, будто страхась прикоснуться к нему. Тени ползли и ускользали от зловещего сияния беспокойных духов и мрачных гримуаров из человеческой кожи, парящих вокруг него. И без того огромная фигура, казалось, стала еще больше, когда он опустил взгляд на гористую местность. Куда бы ни падал его взор, солдаты люменетов, охранявшие портал, чахли и чернели на глазах. Выжившие в ужасе бежали, устремляясь к горным тропам и сокрытым долинам в надежде когда-нибудь вернуться и сразиться вновь - ведь столь могучего врага ни одна смертная армия не могла и надеяться победить. Сокольничие Владык Владения направили ввысь своих гордых солнечных орлов, чтобы донести ужасное известие до великого воинства люменетов. Бог смерти едва шевельнул огромным когтем длиной с лезвие меча, и орлы с визгом вспыхнули пурпурным пламенем и обратились в пыль, мгновенно рассеявшуюся на ветру.

Наклонившись, чудовище возложило свои костлявые руки на склон горы и принялось напевать слова силы, которые могли бы опалить разум любого услышавшего их смертного. Камень под его прикосновением начал дрожать и крошиться. Трещины стремительно расходились по склону горы, а темный камень побелел и стал хрупким. Круг магии резко очертился вокруг материализующегося божества: скальные ползуны и гранитные ящерицы, оказавшиеся в его пределах, затрепетали, словно парализованные, а затем состарились и умерли в считанные мгновения. Нагаш явился в Хиш.

НА СМЕРТЬ

Войска люменетов из Иметрики были истреблены в Преторисе несколькими месяцами ранее. Некоторые еще не добрались до срединных земель Великой Нации, которую они звали своей родиной. Не в силах вынести ужасные воспоминания о времени, проведенном в Шайше, большая часть сияющего Теклианского Авангарда отправилась на поиски Вдов Эльтонду, перешедших вброд Великую Реку Дайсо. Там они надеялись искоренить свои страдания с помощью удивительного искусства каталларского сестринства. Но в тот момент, когда Нагаш прорвался через обереги Врат Черного Колодца, мудрецы-магистры Эльтонду обнаружили, что их сердца бешено колотятся, словно их сжала чья-то холодная рука. Они взорвались сплетающимся воедино воплем: слезы текли по искаженным лицам, когда они дрожали и бились в ужасе. Иметриканцев, ставших свидетелями этого помешательства, обуял страх. Произошло то, чего они боялись, то, что преследовало их долгие, тревожные ночи: они чувствовали это в глубине собственных душ. “Аваленор, - произнесли провидцы. - Аваленор содрогнется и обрушится на землю”. Потрясенные иметриканцы вновь надели доспехи и двинулись в путь - на этот раз в сопровождении многих Вдов Эльтонду.

Весть была направлена на крыльях ястребов-посыльных и самых быстрых всадников воинства Ванари в соседние государства Зайтрек, Илиата и Ксинтил. Казалось, было уже слишком поздно: если Нагаш уже явился к склонам Аваленора, то он захватит контроль над этим регионом в течение нескольких дней, а не недель. И все же люменеты показали жителям Внутренних земель Шайша, совсем недавно оказавшихся под пятой Костяных Жнецов Оссиарха, ценность надежды - и те стремились сохранить эту надежду для себя, пусть даже это был луч света в непроглядной тьме.

Сперва роты люменетов продвигались через горы медленным, но неумолимым маршем. Однако вскоре усталость взяла верх. Командиры отдали прямой приказ ограничить и сохранить для битвы запасы эфирокварца, но многие альвы то и дело рассеянно поглаживали кончиками пальцев броши и драгоценные камни бодрящего вещества или поддавались страстным фантазиям о том, чтобы позволить его свету пылать внутри них. Тяжесть отчаяния уже сдавливала их грудь. Было слишком поздно помешать Нагашу преуспеть там, где Архан потерпел неудачу. Их было слишком мало, чтобы преодолеть мощь войска оживленных трупов, не говоря уже о грозной армии оссиархов, которые были созданы для войн и завоеваний. Их мастерство в магических искусствах казалось убогим по сравнению с навыками бессмертного божества, которое вывернуло целое владение наизнанку, чья злоба прокатилась каскадом через весь космос. Они были насекомыми перед титаном, смертными перед богом; их попытки остановить Великого Некроманта были сравнимы с тем, как единственный зеленый лист противится шторму. Одна лишь надежда осталась в их сердцах.

И этой надеждой были Теклис и его брат Тирион. Однако, если верить Скинари, в Хише не было ни одного из альвийских богов. Среди хранителей Уль-Гиша ходили слухи, что сам Архаон Всеизбранный вторгся в Сокрытый Сумрак и что почитатели заключенного бога Слаанеш хлынули из Ульгу для нападения на эту тайную темницу. Молва разнеслась и о том, что Теклис, ударив по Владению Смерти, поспешил в сумеречное суб-владение, дабы убедиться, что противники не смогут освободить Темного Принца от сковавших его цепей. Что же до Тириона, то никто ничего не знал о его местонахождении. Он покинул святилища Алумнии ради таинственных поисков, природу которых сокрыл от всех. Правда, среди Ванари нашлись и те, кто был уверен в месте его назначения: якобы Тирион отправился в Яму Катартии, что в Иметрике. Итак, в час величайшей нужды Хиш был оставлен богами, что называли это владение собственным домом.

Лириор Утралл возглавил Ванари из Иметрики вместо Тириона. По приказу лорда-регента гарнизоны люменетских цитаделей Тор Амун, Тор Илдрет и Тор Глимрис опустели. Их фаланги пересекли Ревелатию, Противоречивую реку и Водопад Искр, чтобы достичь северной границы Головокружительных вершин. С высоты они казались струящимися потоками серебра, то и дело отливающего синими и белыми цветами. Потоки эти вились среди холмов, устремляясь к вершинам, разместившимся вокруг горы Аваленор.

Их цель было легко отыскать: высоко в небе, за Вратами Черного Колодца, сам воздух стал темным и грязным, как старый кровоподтек. Слишком долго взирать на аномалию значило впустить в свой разум шепот мертвых и видение бесчисленных трупов и скелетов, злобно всматривающихся пустыми глазницами. Ни один из люменетов не дал волю своим страхам. Это был их дом - земли, которые альвы клялись защищать, и даже перед лицом неизбежного уничтожения они бы не отступили.

Когда альвы приблизились к Черному Колодцу, они узрели нечто еще более тревожное: шар кружащейся монохромной энергии, такой большой, будто над порталом расположилась маленькая луна. Сфера была соткана не из аморфной магии, а из перемешанных призрачных форм. Ветер донес до альвов пронзительную какофонию, хор боли, звучавший так, словно вырывался из тысячи сорванных глоток.

Лорд-регент Утралл собрался было приказать бомбардировать это ужасное явление очищающей магией Хиша, когда Плачущая-под-Вуалью остановила его руку, уже

готовую взмахнуть, отдавая приказ. Сфера хранила внутри души тех люменетов, что пали в Шайше неделями ранее. Уничтожить ее значило бы навсегда приговорить их к заточению в чистилище тьмы. Нагаш использовал почтение альвов к духам своих собратьев как щит, и при том весьма умело. С великой скорбью и мрачной решимостью люменеты двинулись дальше в поисках творца, который преобразил врата.

На двенадцатую ночь посыльная сова принесла известие от иметриканцев, все еще остававшихся в Шайше. Дух Горы, величественно шедший во главе сил вторжения в Шайш - сущность самой вершины Аваленора - трещал и крошился, словно состоял из высохшей глины, а не из непроницаемого камня.

Эллания, вернувшаяся из Хамона вместе с выжившими в этой злополучной экспедиции аларитами, первой сделала шаг. Она поделилась подозрениями с Эллатором, прежде чем представить их лорду-регенту Утраллу. Альвийка утверждала, что, раз уж аватар Аваленора разрушается, то сама гора находится в страшной опасности - и, вероятно, виновник этого сам Нагаш, ибо только неимоверно могущественный враг может разрушить место такой древней силы. Войско люменетов перешло с марша на размеренный бег. Ни одна человеческая армия не смогла бы продвигаться так быстро по горным тропам, но ловкие и уверенные воины альвийских рот даже в усталости своей задали отличный темп.

По пути в Аваленорию армии люменетов столкнулись с ужасающим зрелищем. Святилища аlementиров, усеивавшие извилистые тропы, превратились в выжженные руины, а содранная кожа их хранителей и адептов была развешана на деревянных балках или странных древоподобных конструкциях из костей, возведенных оссиархами из ордена Мортисан. Это был настолько явный предупреждающий знак, что даже троггот смог бы его понять, но предостережение нисколько не сдержало альвийское войско, а лишь укрепило решимость воинов: при виде изувеченных собратьев сердца альвов зажглись пламенем мести.

Атака началась глубокой ночью. Вторгшись в эти земли, Костяные Жнецы Оссиарха возвели множество крепостей из украденной кости и перекрыли древние тропы, ведущие к вершине горы Аваленор. Оставшиеся охранять свой горный дом алариты были убиты все до единого. В ужасном, ироничном унижении оссиархи вырвали их кости из тел и использовали для строительства стен, дабы сдержат отмщение их собратьев, пока хватка Нагаша сжимается вокруг каменного сердца Иметрики.

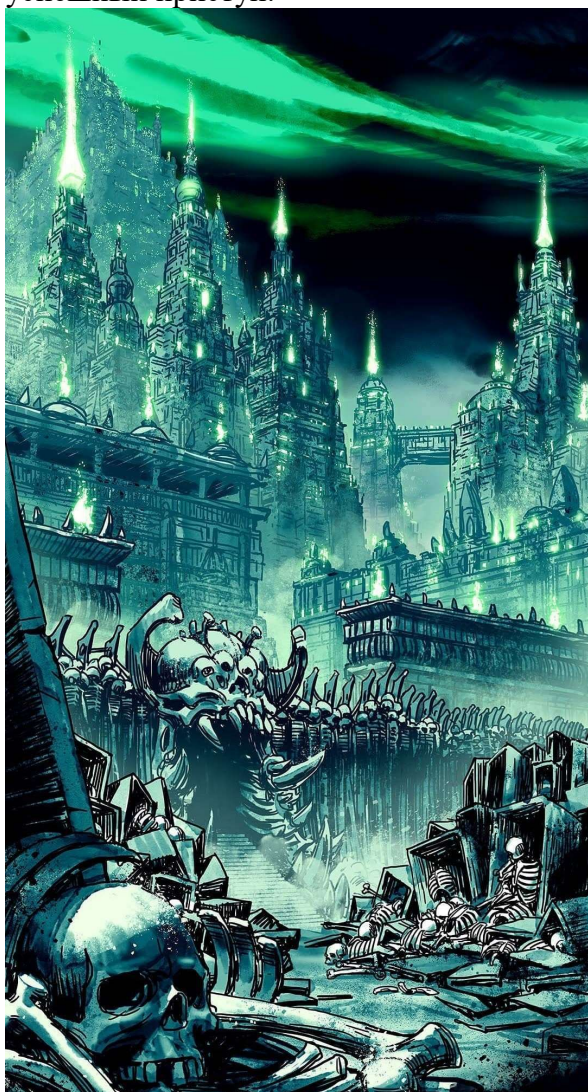
Сражения, бушевавшие вдоль горных перевалов, были даже более ожесточенными, чем столкновения в Преторисе, где люменеты и оссиархи впервые скрестили клинки - теперь альвов Хиша вела смертоносная, отчаянная ненависть. Многие из числа аларитов сражались сердцем, нежели мыслями, ибо не могли вынести ужаса того, как их аlementиры-покровители были низвергнуты темной магией Нагаша и как жестоко обошлись с их сородичами. Тем временем, ванари не теряли сосредоточенности. Они собрали тела павших - не только своих, но и оссиархов - и перенесли их подальше от вражеских позиций, прибегнув к помощи Всадников Зари. Тем самым они истощали ресурсы врага, необходимые для пополнения рядов и возведения укреплений.

Эта тактика уже доказала свою эффективность против сил Хоррека Вензая и Архана Черного. Последний был вынужден отступить в Хаиксию, чтобы начать сотворение меньшего надира заново. Вместо него для сражения с арьергардом альвов остался

Осифектор Ксарамос. Хотя этот Мортисан оказался способным полководцем и дипломатом, подняв на бой даже невменяемых пожирателей плоти с Головокружительных вершин, со временем ему пришлось столкнуться с реалиями костяной десятины: даже для нежити она оказалась чересчур ненасытной.

Преторианцы Смерти, превратившие верхние пики в кошмар из плоти и костей, зашли еще дальше в усилиях укрепить свою оборону. Сперва они совершили набег на горные крепости люменетов, но это предприятие оказалось неудачным: силы оссиархов либо терпели поражение и отступали, либо, в случае успеха, находили кости мертвых, превращенными в белый пепел с помощью хишианской магии. Кости, оставшиеся на склонах, были собраны до последней фаланги, а от гнезд иметриканских солнечных орлов было мало пользы.

По мере того, как тянулись дни противостояния, те самые крепости, которые оссиархи воздвигли против люменетов, приходилось разбирать для создания новых гвардейцев Мортек. Умение жрецов Мортисан использовать костяную десятину было таким отточенным и грозным, что люменеты просто не переходили в наступление - хишианским альвам не свойственно рисковать собственными жизнями, когда шансы на победу столь невелики. Но именно на Головокружительных вершинах оссиархи совершили свою первую ошибку - и, тем самым, дали измученным воинам люменетов небольшой шанс на успешный приступ.

Костяные жнецы долгое время считали пожирателей плоти Ушорана кем-то вроде обычных крестьян, несмотря на притязания тех на королевское величие. Они были полезны в качестве ударных войск и союзников, но также непредсказуемы, а если что-либо вообще можно было назвать проклятием Империи Оссиархов, так это непредсказуемость.

Архан передал ведение имектриканской кампании своему помощнику, Оссифектору Ксарамосу, оставив Великую Нацию ради нового ритуала в Хаиксии. Он сделал это, зная, что Горстейн Мортевель - Омерзительный Архирегент и Светлый Император проклятых Головокружительных вершин - был верным последователем Нагаша и, вероятно, согласился бы на десятину в случае необходимости.

Преданность, продемонстрированная Мортевелем Нагашу, была сродни помешательству истово верующего, и, как показало время, он с радостью принес бы в жертву своих последователей во имя Великого Некроманта. Архирегент будет сражаться изо всех сил, не жалея когтей и зубов, чтобы победить люменетов. И все же, сосредоточившись на битве с альвами, расчетливый лич не принял во внимание дворы, пребывавшие в подчинении у Мортевеля.

Поначалу сбор десятины на горе Звездоклык - вотчине Короля-Вурдалака Варшорна - мало кого волновал. От Варшорна нельзя было дожидаться почитания Нагаша, не говоря уже о почитании с энтузиазмом, но он видел в оссиархах верных союзников и позволил своим силам встать авангардом в десятке мелких столкновений с люменетами. На первых этапах битвы за Иметрику, пока Архан еще руководил кампанией, Варшорн сражался бок о бок с Преторианцами Смерти, даже несмотря на различия между ними. Он обрел стойкое уважение к Ксарамосу во время Опустошения Эльтонду, когда две армии нежити устроили разграбление процветающего города на люменетской реке.

Скрупулезность, творческий подход и терпение оссиарха прекрасно сочетались с абсолютной свирепостью двора Варшорна, и после череды побед над альвийскими лагерями по всей Центральной области Иметрики Король-Вурдалак пригласил Ксарамосу на триумфальное празднество. Оссифектор почтил его своим присутствием, но сам не участвовал.

Пожиратели плоти этого владения не испытывали нужды в костях - фактически, логова вурдалаков были завалены ими. В то же время Варшорн был готов приложить больше усилий для ведения войны. Однако, когда люменеты обескровили оссиархов, ситуация начала меняться.

Ксарамос, истощенные силы которого все более отчаянно испытывали нужду в костях, приказал собрать костяную десятину со своих союзников. Грубые, ужасные скульптуры и строения двора Варшорна были снесены и переделаны, величие тронного зала - по правде говоря, больше похожего на могильную яму - обнесено до такой степени, что полностью лишилось всего того, что вурдалаки считали роскошным убранством и важными символами своего владычества.

Всего несколько дней спустя кости, которыми Варшорн и его вурдалаки украшали свою кожу, также были конфискованы. Затем прозвучал призыв уступить останки павших в битве воинов. Когда же Ксарамос потребовал десятину с самих вурдалаков, терпение Варшорна лопнуло. Он категорически отказался платить такую дань и вместо этого пригласил Оссифектора обсудить столь важный вопрос на званом обеде. Мортисан вновь принял предложение и отправился на гору Звездоклык, но на этот раз его намерения были куда более смертоносными.

Оссиархи атаковали пожирателей плоти, решив силой забрать десятину у своих бывших союзников - хотя в спешке им не удалось обойти все вершины. Последовавшая битва была ожесточенной. Никто не молил о пощаде. Никто не щадил. Все, кроме самых стойких приближенных двора Варшорна, были вырезаны, даже несмотря на то, что многие стражи порядка оссиархов оказались разорваны на части.

Стороны, принимавшие участие в битве, балансировали на весах до тех пор, пока костяные жнецы не подверглись нападению ударных войск Варшорна: крылатые вурдалаки, которых он считал благородными всадниками на пегасах, прибыли ему на помощь. В триумфе пожиратели-каннибалы завопили, когда Варшорн возглавил последнюю контратаку: магия его короны вдохновляла двор сражаться до последнего. Король-Вурдалак обхватил горло Ксарамоса своими когтями и сорвал его голову с плеч, сомкнув пожелтевшие клыки на нежных костях черепа оссиарха.

Потеря Ксарамосом лидерства сильно ударила по военным усилиям оссиархов - но не так сильно, как лишение его бесценного опыта в костекройном искусстве. Хотя он и не вполне осознавал это, Варшорн нанес удар свободы, которым вскоре суждено было воспользоваться люменетам.

